

ПОДХОДЫ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЯДЕРНОГО КРИЗИСА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.В. Захарова

Институт Дальнего Востока РАН

Причины ядерного кризиса на Корейском полуострове лежат, прежде всего, в области безопасности, однако с самого начала экономический компонент был неотъемлемой частью любого плана решения этой проблемы. С 1990-х гг. предпринимались попытки использовать экономические стимулы в обмен на отказ КНДР от разработки оружия массового уничтожения. После первого ядерного испытания Пхеньяна в 2006 г. мировое сообщество во главе с США сделало упор на введение экономических ограничений. Таким образом в практике мирного взаимодействия с КНДР сформировались два ключевых подхода: вовлечение и санкции. Они применялись как по очереди, так и одновременно, как в одностороннем, так и в многостороннем форматах. В результате санкций Совета Безопасности ООН внешнеэкономические связи КНДР сильно ограничены. Однако, в отличие от Ирана, меры финансово-экономического давления не привели к отказу Северной Кореи от разработки ядерного оружия, а в 2017 г. обострение отношений с США поставило регион на грань войны.

В 2018 г. создаются предпосылки для начала нового этапа урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. После прошедшего 12 июня 2018 г. в Сингапуре американо-северокорейского саммита открываются новые возможности для вовлечения КНДР. В статье рассматривается опыт экономического сотрудничества и подходы к взаимодействию с КНДР в экономической сфере в целях ослабления напряженности на Корейском полуострове. Анализ результативности конкретных форм воздействия и позиций ключевых региональных игроков позволил автору обозначить перспективы использования экономических методов в разрешении ядерного кризиса и предложить практические меры по экономическому вовлечению КНДР.

Ключевые слова: Корейский полуостров, КНДР, ядерный кризис, США, санкции, Республика Корея, Китай, Россия, вовлечение, экономическое сотрудничество

УДК 327.56

Поступила в редакцию 02.08.2018 г.

Принята к публикации 26.10.2018 г.

Истоки ядерного кризиса на Корейском полуострове восходят к периоду окончания холодной войны, когда КНДР, лишившись главного союзника в лице СССР, стала разрабатывать собственную ядерную программу. В оружии массового поражения Пхеньян видел средство обеспечить безопасность страны на фоне существенно ухудшившейся для него геополитической обстановки [9, с. 423]. Кроме того, «ядерные амбиции» экономически ослабленной КНДР были своеобразным предметом торга с целью получения финансовой, энергетической и продовольственной помощи [7, с. 194].

С 2006 по 2017 г. Северная Корея провела шесть ядерных испытаний, в 2012 г. внесла в Конституцию положение о своём ядерном статусе. Напряжённая военно-политическая обстановка на полуострове, обострившаяся после прихода к власти в США президента Д. Трампа, в 2017 г. поставила на грань войны весь регион, заставив Россию и Китай выдвинуть мирные инициативы.

В 2018 г. сложились предпосылки к возобновлению переговорного процесса с Северной Кореей. В начале года, на III пленуме ЦК ТПК Ким Чен Ын объявил о прекращении ядерных испытаний и концентрации сил на развитии экономики. «Мирное наступление» Пхеньяна увенчалось проведением китайско-северокорейских и межкорейских саммитов в марте–июне и сентябре 2018 г., а также историческим американо-северокорейским саммитом 12 июня 2018 г. в Сингапуре. Достигнутые договорённости открывают путь к новому этапу урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова.

Существуют два ключевых подхода к применению мер экономического воздействия: вовлечение и санкции. В отношении КНДР они использовались как по очереди, так и одновременно, как в одностороннем, так и в многостороннем формате. Под санкциями мы понимаем ограничения, введённые правительством/правительствами в отношении экономических связей с определённой страной/странами или её/их представителями с целью добиться неких внешнеполитических целей [15, с. 7]. Чтобы заставить Пхеньян отказаться от развития ракетно-ядерных программ, санкции на КНДР накладывали США, Япония, Республика Корея и другие страны, а также Совет Безопасности ООН.

Под вовлечением автор понимает обещание, возобновление или продолжение экономических обменов, включая торговлю, инвестиции, помощь и другие уступки, используемые в качестве инструмента внешней политики [17, с. 4]. Экономические стимулы могут применяться и как тактическое средство (для обмена на политические уступки в переговорном процессе), и как способ достижения стратегических целей (от КНДР обычно требуют большей открытости и проведения рыночных реформ) [13, с. 31].

Несмотря на то, что причины ядерного кризиса на Корейском полуострове лежат в области безопасности, экономический компонент был неотъемлемой частью любого плана решения этой проблемы. С 1990-х гг. предпринимались попытки предложить КНДР экономические выгоды в обмен на отказ от разработки ОМУ. После первого ядерного испытания Пхеньяна в 2006 г. мировое со-

общество стало делать особый упор на санкции, одновременно пытаясь достичь политической договорённости с КНДР. Но в отличие от иранского сценария финансово-экономические ограничения не привели к отказу Пхеньяна от военной программы в ядерной области. Более 10 лет экономических санкций СБ ООН не заставили КНДР пойти на уступки. В подобной ситуации представляется своевременным в поисках путей ослабления напряжённости на Корейском полуострове провести ревизию опыта взаимодействия с КНДР в экономической сфере. В условиях сомнительной с политической и этической точек зрения эффективности санкционного давления целесообразно рассмотреть потенциал отдельных элементов стратегии экономического вовлечения КНДР.

Исходя из вышесказанного, автор статьи ставит перед собой следующие исследовательские задачи:

- выявить место экономических аспектов в попытках урегулирования;
- проследить динамику подходов и конкретных форм экономического воздействия, а также оценить их результативность на разных этапах;
- рассмотреть позиции ключевых игроков, задействованных в решении корейской проблемы;
- обозначить перспективы использования экономических методов в урегулировании ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Учитывая наличие общей границы с Северной Кореей и планов по экономическому развитию дальневосточного региона, Россия заинтересована в сохранении мира на Корейском полуострове [23, с. 126] и расширении экономического сотрудничества с Пхеньяном. В связи с этим практическая задача исследования заключается в том, чтобы выявить элементы экономической дипломатии, которые могут быть использованы на многосторонних переговорах с КНДР по ядерной проблематике.

Первый ядерный кризис и его урегулирование

Первое обострение ситуации на Корейском полуострове, вызванное ядерной программой Пхеньяна и часто называемое «первым северокорейским ядерным кризисом», произошло в 1993–1994 гг. Несмотря на посещавшие Вашингтон мысли о нанесении превентивного удара по ядерным объектам КНДР [8, с. 590], тогда ситуацию удалось урегулировать мирным путём в рамках пакетного соглашения. Стороны пошли на взаимные уступки в военно-политической области и договорились о сопутствующих их реализации экономических стимулах.

Согласно подписанному США и Северной Кореей в Женеве в 1994 г. Рамочному соглашению, в обмен на заморозку своей ядерной программы Пхеньян должен был к 2003 г. получить два легководных атомных реактора мощностью по 1000 МВт, а до их ввода в строй ежегодно получать по 500 тыс. т сырой нефти для теплоэлектростанций. Для реализации этих договорённостей в 1995 г. был

создан международный консорциум KEDO (Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове), в состав которого по состоянию на 2000 г. входили 13 государств. Из 4,6 млрд долл. на финансирование работы консорциума около 70% взяла на себя Республика Корея, которая и должна была поставить реакторы.

В Рамочном соглашении была зафиксирована готовность США и КНДР двигаться в направлении нормализации экономических и политических отношений. Однако этот процесс шёл медленнее, чем ожидалось [24, с. 2]. Проблемы возникли и с соблюдением сроков поставки реакторов. Хотя торжественная церемония закладки АЭС прошла в 1997 г., из-за сложностей с финансированием строительство началось только в 2002 г. [4, с. 135].

Как отмечает российский кореевед А.З. Жебин, 1990-е гг. стали временем изменения методов и подходов к решению корейской проблемы в целом. Заключение Рамочного соглашения и создание KEDO свидетельствовали о постепенном выдвигании на первый план во взаимодействии с Пхеньяном методов экономической дипломатии [5, с. 31]. Во многом это было связано с тяжёлой экономической ситуацией в КНДР, вызванной коллапсом сотрудничества с социалистическими странами, традиционно поставлявшими Северной Корее сырьё, оборудование и продовольствие на льготных условиях.

В 1990-е гг. происходило сокращение производства и внешней торговли, сопровождавшееся существенным ухудшением условий жизни населения. По южнокорейским оценкам, из-за перебоев с электроэнергией и дефицита сырья объём промышленного производства КНДР к 1996 г. сократился на 60% по сравнению с уровнем 1993 г. [14, с. 4]. Ежегодная нехватка от 2 до 4 млн т зерна из необходимых 6,5 млн т заставила КНДР в 1995 г. обратиться за помощью к международному сообществу. По оценкам, в результате голода во второй половине 1990-х гг. население Северной Кореи могло сократиться на 240–420 тыс. чел. [22, с. 154]. Учитывая проблемы КНДР, США рассчитывали, что Пхеньян откажется от своей ядерной программы в обмен на экономические выгоды или под экономическим давлением [8, с. 605].

Северная Корея настаивала на нормализации отношений с США в том числе и потому, что понимала, насколько это важно для привлечения в страну иностранных инвестиций [21, с. 295]. В рамках реализации договорённостей по нормализации экономических отношений в середине 2000 г. Белый дом смягчил экономические санкции против КНДР, разрешив американским компаниям инвестировать в северокорейскую экономику и позволив КНДР экспортировать сырьё в США [10, с. 8]. Более того, в 1995–2002 гг. Соединённые Штаты поставили гуманитарную помощь на сумму более 1 млрд долл. [21, с. 297]. По времени это совпало с потеплением межкорейских отношений и проведением в июне 2000 г. первого саммита Севера и Юга, давшего старт реализации нескольких крупных совместных экономических проектов [11]. Таким образом, первый этап урегулирования ядерной проблемы КНДР характеризовался попытками

вовлечения Пхеньяна в международное сотрудничество, что в целом оказало благоприятное воздействие на ситуацию в регионе [7, с. 203]. Однако и без того не гладкий процесс выполнения договорённостей оказался сорван из-за резкого изменения политики Вашингтона.

После прихода к власти в США республиканской администрации Дж. Буша-мл. стратегия вовлечения КНДР была подвергнута критике, начались попытки пересмотра Рамочного соглашения [9, с. 429; 21 с. 298]. Они встретили негативную реакцию Пхеньяна, усилившуюся после причисления американским президентом Северной Кореи к «оси зла» в январе 2002 г. [16, с. 94]. Обещанная поставка первого из реакторов к 2003 г. сорвалась, а поставки мазута прекратились в ноябре 2002 г. Некоторые исследователи полагают, что при заключении Рамочного соглашения Вашингтон рассчитывал на скорый коллапс северокорейского режима [24, с. 1; 6, с. 223]. Однако Северная Корея устояла и с начала XXI в. стала выходить из тяжёлого экономического кризиса, требуя от Вашингтона устранить препятствия, тормозящие экономическое развитие КНДР. Это потребовало корректировки позиции США.

Подходы к урегулированию второго ядерного кризиса

После начала второго ядерного кризиса на Корейском полуострове стали обсуждаться варианты пакетных сделок, в рамках которых Пхеньян согласился бы на отказ от разработки ядерного оружия в обмен на нормализацию отношений с США, гарантии безопасности и экономические выгоды. То есть по существу подход сторон к решению проблемы не изменился. Однако расширился круг участников обсуждения за счёт формирования в 2003 г. механизма шестисторонних переговоров с участием КНДР, США, Китая, России, Японии и РК с созданием рабочей группы по экономическому и энергетическому сотрудничеству (одна из пяти рабочих групп, созданных в 2007 г.).

Несмотря на сложное начало переговоров, в 2004 г. их участники обсуждали возможность оказания Северной Корее экономической помощи, главным образом в области энергетики, взамен на замораживание ядерной программы на первом этапе урегулирования. При этом КНДР настаивала на одновременных (синхронизированных) шагах, во избежание невыполнения сторонами своих обязательств [6, с. 239].

В Совместном заявлении от 19 сентября 2005 г., подписанном по итогам шестисторонних переговоров в Пекине, КНДР согласилась на отказ от ядерного оружия, а остальные участники фактически признали право Северной Кореи на мирное использование атомной энергии (после возвращения КНДР в ДНЯО и МАГАТЭ) и договорились обсудить «в подходящее время» вопрос о предоставлении КНДР легководного реактора. Кроме того, Китай, Япония, Республика Корея, Россия и США выразили готовность предоставить КНДР энергетическую помощь. В документе был зафиксирован принцип реализации

достигнутых договорённостей: «обязательство в ответ на обязательство, действие в ответ на действие».

В то же время между основными участниками шестисторонки сохранялись существенные разногласия. США считали, что «подходящее» время для начала переговоров о поставке реакторов наступит после «полного, проверяемого и необратимого демонтажа» всех ядерных программ Северной Кореи. В ответ МИД КНДР заявил, что Вашингтону «не стоит даже мечтать» о ликвидации сил ядерного сдерживания КНДР до поставки реактора на лёгкой воде [6, с. 246]. Пхеньян хотел получать экономические выгоды уже в ходе ядерного разоружения, а не после него, опасаясь остаться и без ядерной программы, и без экономической помощи [9, с. 433].

Параллельно с многосторонними переговорами Вашингтон стал активно использовать санкции против северокорейских компаний в качестве меры воздействия на Пхеньян. В частности, в сентябре 2005 г. по требованию Минфина США были заморожены счета КНДР на сумму свыше 24 млн долл. в банке Delta Asia в Макао. Вашингтон обвинил Пхеньян в отмывании нелегально полученных средств и распространении фальшивых долларов. Эта ситуация, урегулированная только в 2007 г. при посредничестве России [9, с. 454], привела к подрыву шестисторонних переговоров и вывела ядерный кризис на новый виток [14, с. 2]. Таким образом, попытки США одновременно использовать методы экономического вовлечения в многостороннем формате и вводить санкции против КНДР в одностороннем порядке не сделали Пхеньян стоворчивее, а лишь привели к застою в шестисторонних переговорах.

После первого ядерного испытания КНДР в октябре 2006 г. подход международного сообщества к урегулированию ядерной проблемы изменился: началось введение экономических санкций на уровне СБ ООН. В принятой 14 октября 2006 г. резолюции 1718 был введён запрет на поставки в КНДР предметов и материалов, которые могут способствовать разработке ядерного оружия и тяжёлой военной техники. Кроме того, чтобы оказать давление на северокорейскую элиту, Совет Безопасности запретил поставки в КНДР предметов роскоши, не конкретизировав, однако, что под ними понимается.

Продолжились и попытки использовать в отношениях с Северной Кореей экономические стимулы. В подписанной участниками шестисторонки в феврале 2007 г. договорённости о первоначальных шагах в рамках реализации Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. вновь была использована формула «замораживание в обмен на компенсацию». В документе говорилось о том, что в период начальных мер и на последующей фазе, которая включает полное раскрытие КНДР всех своих ядерных программ и вывод из строя всех ядерных объектов, включая графитовые реакторы и завод по переработке топлива, КНДР получит экономическую, энергетическую и гуманитарную помощь в размере до 1 млн т в мазутном эквиваленте, включая первые поставки в эквиваленте 50 тыс. т мазута [6, с. 328–329].

Президент Южной Кореи Ли Мён Бак в рамках выдвинутых им программ «Денуклеаризация, открытость, 3000» и «Сосуществование и процветание» предлагал Северной Корее широкомасштабную экономическую помощь в обмен на предварительное разоружение и проведение политики открытости¹. Несмотря на неприятие северокорейской стороной подобных предложений, в качестве варианта возможного сотрудничества КНДР и РК в начале 2009 г. рассматривалась покупка Республикой Корея 14 800 топливных стержней (эквивалент 100 т урана) северокорейского ядерного реактора – ещё в 2007 г. Сеул предлагал купить их для использования в своих атомных реакторах. Продажа стержней позволила бы Пхеньяну выполнить одно из важнейших условий денуклеаризации. Однако Сеул счёл предложенную цену 11 млн долл. завышенной, и соглашение не было достигнуто.

В 2009 г. КНДР заявила о выходе из шестисторонних переговоров и продолжила наращивать свой ядерный потенциал, по мере развития которого ужесточались вводимые против Северной Кореи санкции международного сообщества. Локомотивом этого процесса выступили США, которые при президенте Б. Обаме в качестве ключевого подхода к урегулированию ядерной проблемы КНДР провозгласили «стратегическое терпение» с тремя базовыми принципами. Во-первых, США должны терпеливо ждать, когда Северная Корея предпримет «искренние» шаги по денуклеаризации. Во-вторых, Вашингтону следует усиливать экономические санкции в ответ на провокации КНДР. И в-третьих, Пекин должен использовать своё экономическое и политическое влияние на Пхеньян для побуждения КНДР к отказу от ядерного оружия, что является общей целью Китая и США [18, с. 64]. Однако экономическая зависимость Северной Кореи от Китая не может быть просто переведена в политическую плоскость, так как Пхеньян не консультировался с Пекином перед проведением ядерных испытаний [21, с. 311]. В связи с этим попытки США делегировать решение «северокорейского вопроса» Китаю были с самого начала обречены на провал.

После смены лидера в КНДР для возобновления процесса денуклеаризации Вашингтон попытался использовать тактику вовлечения. В ходе двусторонних контактов была достигнута «високосная договорённость» (Leap Day Agreement) о заморозке ядерной и ракетной активности КНДР в обмен на продовольственную помощь [7, с. 250] и о возобновлении шестисторонних переговоров. За приостановку обогащения урана и мораторий на ракетные пуски КНДР должна была получить 240 тыс. т зерна стоимостью около 200–250 млн долл. Однако проведённый вскоре запуск северокорейского спутника спровоцировал отказ США от сделки [18, с. 70].

¹ Толорая Г. Есть ли выход из тупика? // Стратегия России. 2009. №3 [Электронный ресурс]. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1237558415&archive=1237559476&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 16.05.2018).

Санкции как основной инструмент воздействия на Северную Корею

За истекшие 10 лет санкционного режима Совбеза ООН спектр санкций против КНДР расширился до беспрецедентных масштабов. Ограничения коснулись транспортной, торговой, финансовой, научной и образовательной сфер. К 2018 г. КНДР оказалась фактически отрезана от мировой банковской системы, поскольку банкам других стран запрещено поддерживать корреспондентские связи и открывать счета финансовых организаций КНДР за исключением банковских счетов дипломатических представительств и международных гуманитарных организаций. Но и у них возникли проблемы с переводом денег в КНДР.

Транспортировка грузов между Северной Кореей и другими странами осложняется возможным задержанием для досмотра в любом государстве на основании подозрений в присутствии запрещённых для поставок товаров или материалов.

В результате секторальных санкций СБ ООН, введённых в 2016–2017 гг., КНДР лишена возможности вывозить до 90% своих экспортных товаров, включая каменный уголь и другие виды минеральных ресурсов, текстильные изделия, морепродукты и сельскохозяйственные товары. Эти ограничения сокращают приток иностранной валюты, сужая импортные и инвестиционные возможности страны [12, с. 154, 159]. После введения санкций СБ ООН сорвались многие проекты, рассчитанные на вывоз из КНДР минеральных ресурсов (например, российский проект «Победа»).

Совет Безопасности ООН также запретил поставки в Северную Корею авиационного топлива (за исключением заправки гражданских самолётов за пределами КНДР) и «предметов роскоши» (автомобили класса люкс, спортивный инвентарь, снегоходы, хрусталь и проч.), которые, как считается, потребляет элита. Наиболее чувствителен для северокорейской экономики запрет на поставки промышленного оборудования и транспортных средств, а также жёсткие ограничения на импорт нефти и нефтепродуктов, введённые в 2017 г.

В самой ООН ставился вопрос об эффективности режима санкций. Как показывает опыт, экономические ограничения не стали серьёзным препятствием для реализации Северной Кореей её военных программ. Уже в условиях ограничений КНДР осуществляла запуски ракет и проводила ядерные испытания. В соответствии с резолюцией 1718 для контроля над соблюдением санкций создан Комитет 1718 по КНДР, состоящий из представителей государств-членов, входящих в СБ ООН. В 2009 г. согласно резолюции 1874 (п. 26) создана Группа экспертов в помощь Комитету 1718. В представленном 5 февраля 2016 г. ежегодном итоговом докладе Группы экспертов подтверждалось, что за 10 лет с момента проведения первого ядерного испытания не наблюдается призна-

ков отказа КНДР от ядерной программы и от программы по баллистическим ракетам².

Более того, из практики применения санкций известно, что чем дольше делятся санкции, тем выше шанс, что страна-цель научится их обходить [15, с. 13]. Северная Корея долгое время довольно успешно справлялась с решением этой задачи с помощью разветвлённой сети торговых и финансовых посредников [17, с. 240].

Официальная цель экономических санкций против КНДР заключается в том, чтобы заставить эту страну отказаться от развития ракетной и ядерной программ и начать переговоры по урегулированию кризиса на Корейском полуострове. И хотя в резолюциях СБ ООН подчёркивается, что осуществление предусмотренных мер не будет наносить ущерб законной экономической деятельности Северной Кореи, иметь негативные гуманитарные последствия для гражданского населения или сказываться на деятельности дипломатических представительств в КНДР, никаких специальных мер для этого пока не предусмотрено.

В нынешнем формате международные санкции направлены уже не столько против ракетно-ядерной программы КНДР, а на «смену режима» в Северной Корее путём ухудшения условий жизни для большей части населения. Согласно заявлению посла России в КНДР А.И. Мацегоры, действующие санкции «оказывают огромное негативное влияние на гуманитарную ситуацию» в стране, а решить ядерную проблему не помогают³. В последние годы на фоне ухудшения отношений КНДР с внешним миром резко сократился объём международной гуманитарной помощи Северной Корее [12, с. 154]. В 2017 г. гуманитарные организации системы ООН, оказывающие помощь жителям КНДР, смогли собрать лишь 31% средств из необходимых 113 млн долл.⁴

Несмотря на последовательность курса на экономическую независимость, КНДР существенно зависит от связей с внешним миром. В числе прочего, страна получает из-за границы нефть и нефтепродукты, коксующийся уголь, промтовары, оборудование, транспортные средства, продовольствие. Ограничение внешней торговли угрожает дальнейшим сокращением выработки электроэнергии (с которой и так проблемы), подрывом промышленности, снижением степени обеспеченности населения продовольствием и товарами широкого потребления.

Вполне логично, что под действием санкций нарастает дефицит ресурсов и сокращается предложение товаров. Для продукции, спрос на которую относительно неэластичен (продовольствие, энергоносители, медикаменты), эффект очевиден: удорожание. Рост цен означает, что менее обеспеченные граждане не

² Доклад Группы экспертов, учрежденной резолюцией 1874 (2009) // ООН [Электронный ресурс]. 24.02.2016. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/157&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 22.12.2017).

³ Посол РФ в Пхеньяне: Россия убеждает КНДР и США начать переговоры и не доводить до войны // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. 07.02.2018. URL: <http://tass.ru/politika/4936121> (дата обращения: 09.02.2018).

⁴ UN humanitarian envoy appeals for funding as N. Korea visit comes to an end // NK News [Электронный ресурс]. 12.07.2018. URL: <https://www.nknews.org/2018/07/un-humanitarian-envoy-appeals-for-funding-as-n-korea-visit-comes-to-an-end/> (дата обращения: 16.10.2018).

смогут полностью удовлетворять свои потребности, а более обеспеченным придётся тратить больше. Историческая практика показывает, что в условиях ограниченного доступа ресурсы распределяются прежде всего среди близких к властям групп, то есть первыми их получают элита и военные, а простые граждане будут испытывать на себе все негативные последствия внешних ограничений [15, с. 16].

Санкции могут повлечь за собой ряд побочных эффектов. В частности, удар по внешнеэкономическим связям Северной Кореи может замедлить рост северо-корейского среднего класса, вовлеченного во внешнюю торговлю, и ухудшить условия жизни населения. Международные ограничения, которые вполне правомерно воспринимаются северными корейцами как направленные против народа КНДР, могут сплотить население вокруг элиты и тем укрепить существующий режим, а не поколебать его [15, с. 17].

Проследив динамику использования международным сообществом экономических методов воздействия на КНДР, можно говорить о неизменно ключевой роли экономической составляющей в различных планах урегулирования ядерной проблемы. И если первоначально главное место занимали предложения экономической помощи в обмен на заморозку ядерной программы, то на современном этапе доминируют рестриктивные методы, преследующие несколько целей. Во-первых, не допустить попадания в КНДР материалов, технологий и предметов, необходимых для развития ракетно-ядерной программы. Во-вторых, ограничить приток иностранной валюты, которая может быть использована руководством Северной Кореи для наращивания военного потенциала. В-третьих, ухудшить условия жизни северо-корейской элиты через запрет поставок «предметов роскоши». В-четвёртых, введённые санкции СБ ООН способны существенно ухудшить экономическую ситуацию в КНДР. И некоторые страны, среди которых, прежде всего США, надеются, что это приведёт к внутренней дестабилизации и смене режима, без которой отказ КНДР от ядерного оружия не представляется реальным в обозримой перспективе.

Большинство экспертов признают, что политические факторы и безопасность страны представляются северо-корейскому руководству намного важнее экономических соображений [14, с. 2; 20, с. 337; 21, с. 311]. Если на первом этапе своей ядерной программы Пхеньян мог рассматривать её как своеобразную разменную карту на переговорах об экономической помощи, нормализации дипломатических отношений и гарантиях безопасности, то при нынешнем лидере вероятность полного отказа КНДР от ядерного оружия ничтожно мала.

Позиции ключевых игроков корейского урегулирования в отношении мер экономического воздействия на Пхеньян

При анализе перспектив использования экономических санкций необходимо учитывать позиции ключевых стран-участниц урегулирования северо-корейской ядерной проблемы. В любом случае, проблема координации их действий

представляет собой один из основных факторов успешности применяемого подхода [17, с. 8]. Как отмечает А.З. Жебин, на поле экономической дипломатии в отношении КНДР можно выделить две противоборствующих тенденции. Первая – вовлечение – нацелена на поэтапное решение экономических и политических аспектов корейской проблемы путём стимулирования интеграционных процессов и наращивания потенциала доверия в регионе. Вторая – санкции – направлена на дестабилизацию экономической ситуации в Северной Корее, изоляцию страны от мировой экономики и «додавливание» существующего режима до коллапса [6, с. 279].

С этой точки зрения, участников шестисторонних переговоров можно разделить на два лагеря. С начала второго ядерного кризиса Вашингтон концентрируется на попытках «додавить» пхеньянский режим, наращивая политические и финансово-экономические санкции, ужесточая меры военного характера [3, с. 42]. Смена режима представляется американским политикам одним из способов добиться полной денуклеаризации КНДР [14, с. 14]. США и Япония многие годы выступали за ужесточение санкций, причём Вашингтон уже перешёл к «вторичным санкциям», то есть распространяет их действие на организации и граждан третьих стран, имеющих финансовые или торговые связи с внесёнными США в чёрный список северокорейскими субъектами. Иностранные компании, банки и индивиды, попавшие под действие «производного бойкота», рискуют лишиться доступа к американскому рынку и финансовой системе. В марте 2016 г. президент Б. Обама ввёл обширные санкции в связи с ядерной программой КНДР и разрешил американским властям вносить в чёрный список компании и граждан, сотрудничающих с крупнейшими секторами северокорейской экономики.

В 2017 г. в санкционный список США по обвинению в продаже нефти Северной Корее попали три российские компании: Ardis-Bearings LLC, АО «Независимая нефтегазовая компания» и её дочернее АО «ННК-Приморскнефтепродукт». Эта демонстративная акция работает в качестве своеобразного «кнута», причём и за пределами сфер, официально обозначенных Совбезом ООН.

В 2017 г. Д. Трамп ужесточил подход к КНДР, заявив о политике «максимального давления», сочетающей расширенные экономические санкции и военное принуждение с сохранением возможностей по вовлечению Северной Кореи на американских условиях. Позиция южнокорейского президента Мун Чжэ Ина, вступившего в диалог с северокорейским лидером, вынудила Трампа пойти на переговоры с Ким Чен Ыном⁵. На состоявшемся в Сингапуре 12 июня 2018 г. саммите главы двух стран договорились продолжить переговоры по созданию «стабильного мирного режима на Корейском полуострове», а КНДР подтвердила своё стремление к «полной денуклеаризации Корейского полуострова».

¹⁰ Dan Blumenthal. Give 'maximum pressure' a chance // AEI.org [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aei.org/publication/give-maximum-pressure-a-chance/> (дата обращения: 08.06.2018).

Накануне саммита Трамп заявил, что Вашингтон подготовил широкий набор новых санкций, но не будет их вводить, пока длится переговорный процесс. Американский президент не исключил возможности оказать КНДР экономическую помощь, подчеркнув, однако, что расходы по ней должны нести не США, а соседи Северной Кореи (прежде всего Южная Корея и Япония)⁶. Таким образом, подход Д. Трампа оставляет место для применения различных методов экономической дипломатии в диалоге с КНДР.

Китай и Россия выступают против использования односторонних санкций и поддерживают развитие сотрудничества с КНДР в незапрещённых Советом Безопасности ООН отраслях. С самого начала обе страны старались смягчить сущность и формулировки экономических санкций против КНДР, на которых настаивали США в СБ ООН [18, с. 77].

Несмотря на охлаждение китайско-северокорейских политических отношений после прихода к власти Ким Чен Ына [3, с. 43], Китаю свойственна относительно мягкая трактовка санкционного режима (за исключением некоторого периода в 2016-2017 гг.). Пекин долгое время является сторонником стратегии экономического вовлечения Пхеньяна [17, с. 10–11]. Приоритет КНР состоит в поддержании стабильности на границе с КНДР (протяжённость общей границы превышает 1300 км). Китай стремится предотвратить размещение у своих границ американских войск, что может произойти при объединении Кореи под эгидой РК, где располагается военный контингент США [2]. Поэтому любая угроза дестабилизации КНДР воспринимается в Китае очень серьёзно, и Пекин старается не допустить экономического кризиса в Северной Корее, продолжая поддерживать сотрудничество с непростым соседом, пусть и в ограниченных масштабах [6, с. 235].

В продвижении своих экономических и политических интересов на Корейском полуострове Россия придаёт большое значение трёхсторонним проектам с участием КНДР и РК. Планы по соединению железных дорог, строительству газопровода и поставкам электроэнергии из России на Корейский полуостров призваны не только обеспечить материальную выгоду всем участникам проектов, но и способствовать миру и сотрудничеству в регионе [1, с. 123–124]. Однако до начальной стадии реализации доведена лишь железнодорожная инициатива – пилотный логистический проект Хасан (РФ) – Раджин (КНДР). Государственная компания РЖД вложила в модернизацию железнодорожного пути между двумя городами и одного из причалов северокорейского порта около 300 млн долл., в середине 2010-х гг. запустив через него отгрузку российского угля в Китай [25, с. 157]. Совместное предприятие «Расонконтранс», оператор проекта, до сих пор функционирует благодаря тому, что российская сторона каждый раз добивалась исключения проекта из ограничительных статей резо-

⁶ Remarks by President Trump after Meeting with Vice Chairman Kim Yong Chol of the Democratic People's Republic of Korea. 1 June 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-meeting-vice-chairman-kim-yong-chol-democratic-peoples-republic-korea/> (дата обращения: 13.06.2018).

люций СБ ООН. Стратегически Москва выступает за продолжение диалога с Пхеньяном и реализацию многостороннего формата экономического сотрудничества с целью укрепления мира и стабильности в регионе. Российское руководство считает, что попытки вовлечения Пхеньяна следует продолжать, несмотря на ядерные испытания и ракетные запуски, поскольку изоляция КНДР только обостряет ситуацию [23, с. 128].

Республика Корея с 2010 г. примкнула к американско-японскому лагерю сторонников ужесточения санкций. В 2016 г. в связи с новыми ядерными и ракетными испытаниями КНДР Сеул закрыл последний проект межкорейского сотрудничества – Кэсонский промышленный комплекс. Мун Чжэ Ин, президент РК с мая 2017 г., начал корректировать этот курс, призывая к расширению экономического сотрудничества в двустороннем и многостороннем форматах по мере прогресса денуклеаризации, а не после нее.

По итогам третьего межкорейского саммита в апреле 2018 г. Мун Чжэ Ин и Ким Чен Ын подписали Панмунчжомскую декларацию, в которой предусмотрены шаги по развитию экономического сотрудничества. Для начала предложено соединить и модернизировать железные и автомобильные дороги на восточном побережье полуострова, а также между Сеулом и Синьиджу (город КНДР на границе с Китаем). В Пхеньянской декларации, подписанной в ходе очередного межкорейского саммита 19 сентября 2018 г., лидеры КНДР и РК договорились до конца года провести церемонию начала работ по соединению дорог. Кроме того, по мере формирования подходящих условий, было решено возобновить работу двух замороженных проектов – Кэсонского промышленного комплекса и Кымгансанского туристического проекта.

Ещё в середине 2006 г. известный европейский специалист по экономике КНДР Р. Франк прогнозировал, что введение экономических санкций против Северной Кореи едва ли принесёт успех, и предлагал рассмотреть альтернативные способы воздействия на Пхеньян, выделяя помощь развитию как относительно недорогой и гибкий инструмент [15, с. 5]. По мнению исследователя, если цель санкций состоит в том, чтобы достичь быстрого «коллапса режима», изолировать и сместить руководство страны, используя этот процесс для укрепления своих позиций в регионе, тогда экономическое удушение через санкции, совмещённое с дипломатическим давлением и возможной военной операцией, выглядит вполне рациональной стратегией [15, с. 12]. Тем не менее, согласно проведённым исследованиям, в большинстве случаев применение санкций не достигает своей цели. Даже при самых оптимистичных оценках лишь около трети случаев имеют хотя бы частичный успех, а в ситуациях с авторитарными режимами эксперты оценивают успех в 2%⁷.

⁷ Bossuyt M. The Adverse Consequences of Economic Sanctions on the Enjoyment of Human Rights. Geneva: United Nations Economic and Social Council, Commission on Human Rights, 2000. P.13 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G00/140/92/PDF/G0014092.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.06.2018).

Со своей стороны, Северная Корея не признаёт экономические санкции СБ ООН и называет их нелегитимными, направленными на экономическое удушение населения. Пхеньян старается обходить ограничения всеми способами, используя для этого сеть посредников в третьих странах (прежде всего, в Китае). Причиной неэффективности экономических санкций против КНДР многие эксперты весьма правомерно называют «гибкость» Китая [12, с. 154; 19, с. 12]. На КНР приходится более 90% всей внешней торговли Северной Кореи, что можно считать высоким уровнем потенциального влияния Пекина на Пхеньян [18, с. 71–72].

Не имея прямого инструмента давления на КНДР (американо-северокорейская торговля заблокирована), но обладая возможностями воздействия на Китай, Д. Трамп усилил нажим на Пекин, добиваясь «более эффективной» реализации экономических санкций против КНДР. В 2016–2017 гг. руководство КНР пошло на некоторые уступки Вашингтону, ужесточив контроль за соблюдением антисеверокорейского санкционного режима. Однако после проведения трёх китайско-северокорейских саммитов и начала американо-китайской торговой войны в первой половине 2018 г. ситуация стала меняться. Это проявляется как в оживлении политического диалога, так и в активизации экономических обменов между КНР и КНДР⁸.

При этом надо понимать, что северокорейская ситуация 2000-х гг. существенно отличается от нынешней. Для руководства КНДР весьма показательным примером Ливии, лидер которой в своё время согласился обменять ядерную программу на экономические выгоды, предложенные западными странами. До 2011 г., когда М. Каддафи погиб от рук повстанцев, Северной Корее часто предлагали последовать ливийскому примеру [14, с. 14]. Корейцы пример усвоили и с утроенной силой взялись за обеспечение собственной безопасности с помощью ракетно-ядерного вооружения [21, с. 300].

Ядерный статус закреплён в Конституции КНДР, и ждать полного отказа от него в обмен на экономические выгоды вряд ли стоит. Пхеньян заявил, что готов вести переговоры о денуклеаризации Корейского полуострова, под которой он понимает в первую очередь устранение всех угроз своей безопасности. При этом экономические вопросы неизбежно будут важной составной частью потенциальных переговоров с КНДР, так как без отмены международных санкций и активного участия в международном сотрудничестве экономическое развитие Северной Кореи уже затруднено.

Перспективы экономического вовлечения КНДР

Северокорейская ядерная программа исторически выполняет три функции: обеспечить безопасность страны; играть роль разменной карты на переговорах,

⁶ Trump blames China for stalled North Korea progress // NK News [Электронный ресурс], 29.08.2018. URL: <https://www.nknews.org/2018/08/trump-blames-china-for-stalled-north-korea-progress/> (дата обращения: 16.10.2018).

в том числе по вопросам экономической помощи; создать независимый источник электроэнергии, привлекая собственные запасы урана. Значит, для отказа от ядерной программы Северной Кореи необходимы альтернативные гарантии безопасности, альтернативный источник помощи и альтернативный источник энергии [15, с. 23]. Экономическое вовлечение на многосторонней основе могло бы в той или иной мере выполнять все эти функции. В частности, реализация крупных региональных проектов (в области инфраструктуры, энергетики, туризма и т.п.), в которых заинтересованы соседние страны (Южная Корея, Россия и Китай), способствовала бы созданию многосторонней системы гарантий суверенитета и безопасности КНДР.

Выгоды от международного сотрудничества, прежде всего в области модернизации инфраструктуры и промышленности, а также развития энергетического комплекса, могли бы побудить Пхеньян к более мирному и последовательному поведению на мировой арене. При этом главная задача заключается в том, чтобы отвратить Пхеньян от десятилетиями используемой тактики получения безвозмездной помощи от иностранных доноров в обмен на эфемерные уступки. Сотрудничество должно создавать условия для устойчивого развития северокаорейской экономики и повышения уровня жизни населения. При этом, учитывая имманентную неэффективность социалистической экономики КНДР, руководству страны необходимо продолжить реформы [15, с. 23–24]. Таким образом, перспективы и долгосрочная эффективность методов экономического вовлечения Пхеньяна зависят как от внешних (отмена санкций и позиции ключевых игроков), так и от внутренних (готовность КНДР к уступкам по ядерному вопросу, проведение экономических реформ) факторов.

В 2018 г. создаются благоприятные предпосылки для международного вовлечения КНДР. За это выступают лидеры РК, Китая и России. Президент США Д. Трамп не исключает возможности отмены санкций против Северной Кореи и оказания Пхеньяну экономической помощи. Однако, как и в случае с урегулированием первого ядерного кризиса, Вашингтон будет стремиться снять с себя материальное бремя потенциальных экономических обязательств, переложив их, например, на Сеул, Токио и Пекин.

К числу внутренних факторов, которые могли бы способствовать успеху экономического вовлечения Пхеньяна, следует отнести распространение рыночных отношений, производственные и сбытовые цепочки в которых очень часто замыкаются на внешнем рынке. И хотя институционально происходящие изменения не закреплены в основном законе страны, по мнению экспертов, включая автора статьи, нынешнее руководство Северной Кореи относится к частной инициативе граждан благосклонно⁹, поскольку видит её результативность в преодолении экономических трудностей [20, с. 338]. Стихийное осво-

⁹ Lankov A. The Resurgence of a Market Economy in North Korea. Carnegie Moscow Center [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/2016/02/03/resurgence-of-market-economy-in-north-korea-pub-62647> (дата обращения: 26.01.2018).

ение гражданами и государственными органами КНДР рыночных принципов закладывает основы для конструктивного взаимодействия с ними как с бизнес-партнёрами в случае дальнейшей реализации проектов международного сотрудничества. Думается, что до глубоких экономических реформ дело может пойти только на фоне благоприятной международной обстановки, в которой руководство КНДР не будет чувствовать угрозу своей безопасности.

После дополнительных ограничений Совета Безопасности ООН на торгово-экономические связи КНДР с внешним миром в 2017 г. возможности санкционного давления на эту страну практически исчерпаны. Как отметил президент России В.В. Путин в сентябре 2017 г., «они [в КНДР] траву будут есть, но не откажутся от этой программы, если не будут чувствовать себя в безопасности»¹⁰. Полная торгово-экономическая блокада КНДР угрожает катастрофой, когда северокорейскому руководству «терять уже нечего». Однако в 2018 г. ситуация вокруг Северной Кореи стала динамично меняться. Именно поэтому представляется вполне оправданным рассмотреть варианты коллективных действий по экономическому вовлечению Пхеньяна.

В 2017 г. Российская Федерация предложила дорожную карту по разрядке напряжённости на Корейском полуострове, которая была поддержана Китаем. Инициатива «двойной заморозки» предполагает, что Северная Корея не испытывает ядерные заряды и не запускает ракеты, а США и Южная Корея не проводят или, как минимум, резко сокращают масштабы военных учений. Американцы, однако, это российское предложение отвергли, заявив, что считают учения легитимной международной деятельностью, в то время как ядерные испытания и ракетные запуски запрещены Северной Корее Советом Безопасности ООН¹¹.

В начале 2018 г. Пхеньян попытался предложить США некоторые элементы российского плана. В частности, Ким Чен Ын заявил о прекращении ядерных испытаний и ракетных запусков на период переговоров, которые призваны положить конец состоянию войны на Корейском полуострове. Вашингтон по-прежнему добивается полной и проверяемой денуклеаризации КНДР, и, хотя Пхеньян декларировал готовность к дискуссии по этому вопросу, вряд ли сторонам удастся быстро договориться. Вероятнее всего, Ким Чен Ын потребует отмены или существенного ослабления экономических санкций в ответ на «начало процесса денуклеаризации».

Важность экономической составляющей процесса урегулирования на Корейском полуострове подчёркивают многие эксперты [11, с. 76], ссылаясь при этом на несколько факторов. Во-первых, процесс денуклеаризации обещает быть длительным, и экономические карты неизбежно будут на столе переговоров в качестве уступок или обещаний. Во-вторых, лимит санкций фактически

¹⁰ Путин: в КНДР «траву будут есть», но не откажутся от ядерной программы // ТАСС [Электронный ресурс], 05.09.2017. URL: <http://tass.ru/politika/4532288> (дата обращения: 14.03.2018).

¹¹ Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова 11 февраля 2018 г. // МИД России [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3070334 (дата обращения: 12.02.2018).

исчерпан, дальнейшее их расширение может привести к катастрофе. В связи с этим придётся искать альтернативные пути воздействия на Пхеньян, например, помощь развитию или вовлечение КНДР в многосторонние экономические проекты. В-третьих, без учёта потребностей Северной Кореи в мирной атомной энергетике (или альтернативных способах выработки электроэнергии), необходимой для её стабильного развития, достичь компромисса на переговорах будет трудно. В-четвёртых, распространение рыночных процессов в социалистической экономике КНДР предоставляет уникальную возможность для экономического вовлечения Северной Кореи [13, с. 32]. К проектам можно привлекать не только государственные структуры, но и «частный» бизнес, рост которого способствует стабильному развитию экономики страны.

Для долгосрочной разрядки напряжённости на Корейском полуострове, урегулирования ядерного кризиса, создания мирной атмосферы доверия между КНДР и внешним миром нужны меры по вовлечению Пхеньяна в совместные проекты.

В качестве первых шагов по налаживанию экономического взаимодействия с КНДР даже в условиях санкций можно предложить расширение гуманитарных поставок (например, по оказанию продовольственной и лекарственной помощи наиболее уязвимым группам населения), организацию образовательных курсов и научных обменов в областях, связанных с развитием гражданской экономики и повышением её эффективности (например, в сферах энергетики, менеджмента, банковского дела). Заинтересованность Пхеньяна в подобных видах сотрудничества обусловлена как сохраняющимися экономическими проблемами (недостаточная обеспеченность продовольствием и медикаментами, нехватка электроэнергии), так и политикой руководства страны (курс на создание «зон экономического развития», предоставление большей самостоятельности предприятиям) и ростом рыночного сектора, требующим создания современной банковской системы. Россия могла бы активно участвовать в подобных инициативах и как один из крупнейших доноров в северокорейский проект Всемирной продовольственной программы, и с учётом многолетнего опыта двустороннего сотрудничества в образовательной и научной сферах. Пункт 11 резолюции 2321 СБ ООН допускает научно-техническое сотрудничество с Северной Кореей, которое не будет способствовать ядерной или ракетной деятельности КНДР, при условии предварительного уведомления Комитета 1718¹².

Если процесс переговоров с КНДР, запущенный в различных форматах в 2018 г., начнёт приносить положительные результаты и санкции СБ ООН будут ослаблены, было бы целесообразно расширить спектр сотрудничества, чтобы повысить заинтересованность КНДР в мирном процессе. Прежде всего, на фоне потепления межкорейских отношений важно возобновить работу Кэсонского

¹² Resolution 2321. Adopted by the Security Council at its 7821st meeting, on 30 November 2016. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2321\(2016\)](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2321(2016)) (дата обращения: 22.12.2017).

промышленного комплекса, где было налажено производство трудоёмких товаров с использованием южнокорейских технологий. Республика Корея вложила около 1 млрд долл. в строительство комплекса, но он был закрыт в 2016 г. по инициативе Сеула после проведения Пхеньяном очередных ракетных и ядерных испытаний. В 2013–2014 гг. РК и КНДР пытались привлечь в Кэсон иностранные фирмы, включая российские. Эти попытки, вероятно, возобновятся, если работа комплекса будет возобновлена.

В случае ослабления санкций СБ ООН перспективными формами сотрудничества с КНДР представляются, например, создание совместных производств в северокорейских «зонах экономического развития», формирование международных туристических маршрутов (включая построенный в 2013 г. горнолыжный курорт Масик и туристическую зону Вонсан–Кымгансан). Можно было бы ожидать возобновления переговоров по подготовке институциональной и технической базы многосторонних проектов в сфере энергетики и транспорта.

Список литературы:

1. Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / под ред. Г.Д. Толорая; Институт экономики РАН. М.: Дашков и Ко, 2016. 200 с.
2. Асмолов К. Выбор из зол // Россия в глобальной политике. 07.08.2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vybor-iz-zol-18882> (дата обращения: 13.06.2018).
3. Денисов В.И. Россия и Корейский полуостров в новой международной ситуации // Ежегодник ИМИ. 2015. Вып. 1 (11). С. 39–49.
4. Дьячков И.В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел: монография. М.: МГИМО-Университет, 2016. 239 с.
5. Жебин А.З. Ситуация на Корейском полуострове и интересы России // Корейский полуостров и вызовы глобализации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. С. 28–35.
6. Корейское урегулирование и интересы России / под ред. В.И. Денисова и А.З. Жебина. М.: Институт Дальнего Востока РАН, Русская панорама, 2008. 344 с.
7. Непокойное соседство. Проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: коллективная монография / под ред. Г.Д. Толорая. М.: МГИМО-Университет, 2015. 345 с.
8. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 688 с.
9. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.
10. Фененко А. «Ядерные тревоги» на Корейском полуострове // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 5. С. 3–16.
11. Babson B. Inter-Korean Economic Relations in a Regional Context // Asian Perspective. 2002. Vol. 26. No. 3. Pp. 71–89.
12. Babson B. The North Korean Economic System: Challenges and Issues // International Journal of Korean Studies. 2016. Vol. XX. No. 1. Pp. 149–175.
13. Beck P., Reader N. Facilitating Reform in North Korea: the Role of Regional Actors and NGOs // Asian Perspective. 2005. Vol. 29. No. 3. Pp. 31–49.
14. Choi Jinwook. The North Korean Domestic Situation and Its Impact on the Nuclear Crisis // Ritsumeikan Annual Review of International Studies. 2006. Vol.5. Pp. 1–18.
15. Frank R. The Political Economy of Sanctions against North Korea // Asian Perspective. 2006. Vol. 30. No. 3. Pp. 5–36.
16. Funabashi Y. The Peninsula Question: A Chronicle of the Second North Korean Nuclear Crisis. Washington, DC: Brookings Institution, 2007. 592 p.
17. Haggard S., Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, California: Stanford University Press, 2017. 321 p.
18. Kim Inhan. Agency Conflict and the End of

- Strategic Patience // The Journal of East Asian Affairs. 2017. Vol. 31. No. 2. Pp. 63–90.
19. Nicksch L. China's Policies toward North Korea's Nuclear and Missile Programs // International Journal of Korean Unification Studies. 2015. Iss. 24. No. 2. Pp. 1–40.
 20. Silberstein B. Explaining North Korea? // Orbis. 2018. Vol. 62. Iss. 2. Pp. 335–338.
 21. Smith H. North Korea: Markets and Military Rule. Cambridge University Press, 2015. 381 p.
 22. Spoorenberg T., Schwekendiek D. Demographic Changes in North Korea: 1993–2008 // Population and Development Review. 2012. Vol. 38. No. 1. Pp. 133–158.
 23. Streltsov D., Kireeva A., Dyachkov I. Russia's View on the International Security in Northeast Asia // The Korean Journal of Defense Analysis. 2018. Vol. 30. No. 1. Pp. 115–134.
 24. Wonhyuk Lim. The Anatomy of a Failure: The Geneva Agreed Framework of 1994. Seoul: KDI. January 2004. 4 p.
 25. Zakharova L. Economic cooperation between Russia and North Korea: New goals and new approaches // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7. Iss. 2. Pp. 151–161.

Об авторе:

Людмила Владимировна Захарова – к.э.н., старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. 117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., д. 32.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда. Проект № 17-78-10126 «Трансформация социально-экономической системы КНДР как фактор мирного урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове»

APPROACHES TO THE SETTLEMENT OF THE NUCLEAR CRISIS ON THE KOREAN PENINSULA: AN ECONOMIC ASPECT

L.V. Zakharova
DOI 10.24833/2071-8160-2018-5-62-71-91

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: A nuclear crisis on the Korean peninsula was primarily caused by security reasons. However, from the very beginning an economic component has been inextricable part of any settlement plan. Since the 1990s the DPRK has been offered economic benefits in return for an agreement to abandon its nuclear program. After the first nuclear test in 2006 the international community led by the USA has emphasized imposing economic restrictions on North Korea. Engagement and sanctions have become two key approaches to dealing with the DPRK. They have been applied simultaneously and separately, unilaterally and multilaterally. As a result of the severe economic sanctions imposed against the DPRK by the UN Security Council the country has been significantly restricted in its external economic relations. Nevertheless, unlike the case of Iran, measures of financial and economic pressure failed to

make North Korea abandon its nuclear arsenal, with the escalated tensions between Pyongyang and Washington bringing the region close to war in 2017. In 2018 the situation is dynamically changing as a new stage in the nuclear settlement on the Korean peninsula has begun. The historic USA-DPRK summit held in Singapore on 12 June 2018 opened new opportunities for engaging North Korea. The article revises previous experience and approaches to dealing with the DPRK in the economic sphere with the aim of reducing tensions in the region. Based on the analysis of different strategies applied and positions of the key regional players the author looks at the prospects of using economic methods in the nuclear settlement on the Korean peninsula and also proposes practical measures for economic engagement of the DPRK.

Key words: Korean peninsula, DPRK, nuclear crisis, USA, sanctions, Republic of Korea, China, Russia, engagement, economic cooperation

References

1. *Aziatskie sosedi Rossii: vzaimodeystvie v regionalnoy srede: kollektivnaya monografiya* [Asian Neighbors of Russia: Cooperation in a Regional Context: monograph] / ed. by Georgy Toloraya; Institute of Economics RAS. Moscow, Dashkov and Ko Publ., 2016. 200 p. (In Russian).
2. Asmolov K. Vybor iz zol [Choice between Evils]. *Rossiya v globalnoy politike – Russia in Global Politics*, 07.08.2017. Available at <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vybor-iz-zol-18882> (accessed: 13.06.2018) (in Russian).
3. Denisov V.I. Rossiya i Koreyskiy poluostrov v novoy mezhdunarodnoy situatsii [Russia and the Korean Peninsula in a New International Situation]. // *Yezhegodnik IMI – Yearbook of the Institute of International Studies*, 2015, vol. 1 (11), pp. 39–49 (in Russian).
4. D'yachkov I.V. «Nemirnyy atom» Severo-Vostochnoy Azii: koreyskiy uzel: monografiya [Non-Peaceful Atom of Northeast Asia: the Korean Knot: monograph]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2016. 239 p. (in Russian).
5. Zhebin A.Z. Situatsiya na Koreyskom poluostrove i interesy Rossii [The Situation on the Korean Peninsula and Russia's Interests]. *Koreyskiy poluostrov i vyzovy globalizatsii – The Korean Peninsula and Challenges of Globalization*. Moscow, IFES RAS Publ., 2006. Pp. 28–35 (in Russian).
6. *Koreyskoe uregulirovanie i interesy Rossii* [Korean Settlement and Russia's Interests]. Ed. by V.I. Denisov and A.Z. Zhebin. Moscow, IFES RAS, Russkaya panorama Publ., 2008. 344 p. (In Russian).
7. *Nespokoynoe sosedstvo. Problemy Koreyskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii: kollektivnaya monografiya* [Uneasy Neighborhood. Problems of the Korean Peninsula and Challenges to Russia: monograph]. Ed. by G.D. Toloraya. Moscow, MGIMO-University Publ., 2015. 345 p. (In Russian).
8. Albright M. *Madam Secretary: A Memoir of Madeleine Albright*. Harper Perennial, 2004. 592 p. (Russ. ed.: Olbrayt M. Gospozha gossekretar. Memuary Madlen Olbrayt. Transl. from English. Moscow, Al'pina Business Books Publ., 2004. 688 p.).
9. Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.F. *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii* [The Korean Peninsula: Metamorphosis of Post-War History]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2008. 544 p. (In Russian).
10. Fenenko A. «Yadernye trevogi» na Koreyskom poluostrove [“Nuclear Alarms” on the Korean Peninsula]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2013, no. 5, pp. 3–16 (in Russian).
11. Babson B. Inter-Korean Economic Relations in a Regional Context. *Asian Perspective*, 2002, vol. 26, no. 3, pp. 71–89.
12. Babson B. The North Korean Economic System: Challenges and Issues. *International Journal of Korean Studies*, 2016, vol. XX, No. 1, pp. 149–175.

13. Beck P., Reader N. Facilitating Reform in North Korea: the Role of Regional Actors and NGOs. *Asian Perspective*, 2005, vol. 29, no. 3, pp. 31–49.
14. Choi Jinwook. The North Korean Domestic Situation and Its Impact on the Nuclear Crisis. *Ritsumeikan Annual Review of International Studies*, 2006, vol.5, pp. 1–18.
15. Frank R. The Political Economy of Sanctions against North Korea. *Asian Perspective*, 2006, vol. 30, no. 3, pp. 5–36.
16. Funabashi Y. *The Peninsula Question: A Chronicle of the Second North Korean Nuclear Crisis*. Washington, DC, Brookings Institution Publ., 2007. 592 p.
17. Haggard S., Noland M. *Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea*. Stanford, California, Stanford University Press Publ., 2017. 321p.
18. Kim Inhan. Agency Conflict and the End of Strategic Patience. *The Journal of East Asian Affairs*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 63–90.
19. Niksch L. China's Policies toward North Korea's Nuclear and Missile Programs. *International Journal of Korean Unification Studies*, 2015, vol. 24, no. 2, pp. 1–40.
20. Silberstein B. Explaining North Korea? *Orbis*, 2018, vol. 62, iss. 2, pp. 335–338.
21. Smith H. *North Korea: Markets and Military Rule*. Cambridge University Press Publ., 2015. 381 p.
22. Spoorenberg T., Schwekendiek D. Demographic Changes in North Korea: 1993–2008. *Population and Development Review*, 2012, vol. 38, no. 1, pp. 133–158.
23. Streltsov D., Kireeva A., Dyachkov I. Russia's View on the International Security in Northeast Asia. *The Korean Journal of Defense Analysis*, 2018, vol 30, no. 1, pp. 115–134.
24. Wonhyuk Lim. *The Anatomy of a Failure: The Geneva Agreed Framework of 1994*. Seoul, KDI Publ., 2004. P.1.
25. Zakharova L. Economic cooperation between Russia and North Korea: New goals and new approaches. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, iss. 2, pp. 151–161.

About the author:

Liudmila V. Zakharova – PhD in Economics, Senior Researcher, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospect, 117997 Moscow, Russian Federation. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru.

The research is supported by Russian Science Foundation (project № 17-78-10126).